

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Международный «круглый стол» «Hispania в системе древних цивилизаций Средиземноморья»

© 2005 г.

Ю. Б. Циркин

КВИНТ КАССИЙ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ

Крушение Римской республики и становление империи в цивилизационном плане имели очень большое значение. Если финикийская и греческая колонизации положили начало процессу соединения различных цивилизаций Средиземноморья в единую средиземноморскую цивилизацию, то в рамках Римской империи этот процесс завершился. Можно говорить, что в рамках Римской империи существовала античная средиземноморская цивилизация, а в отдельных регионах – ее локальные варианты. И роль Испании в становлении этого процесса универсализации Средиземноморья была довольно велика. Она стала ареной многочисленных эпизодов гражданских войн, которые привели к крушению республики и образованию империи. А среди этих войн заметное место занимают те, которые вели на Пиренейском полуострове Цезарь и его заместители. Естественно, наибольшее внимание привлекает фигура самого Цезаря. Но и события, связанные с деятельностью его представителей, тоже играли в истории этого бурного и трагического времени значительную роль.

Цезарь явно ошибся, посчитав после победы при Илерде и капитуляции Варрона «испанский вопрос» решенным. Через некоторое время на Пиренейском полуострове вновь начались военные действия. И против Цезаря на этот раз выступила не Ближняя Испания, которой он особенно опасался из-за наличия там помпейской клиентелы, а Дальняя.

В 1986 г. группа испанских исследователей опубликовала интереснейшую надпись, относящуюся к самому началу гражданской войны между Цезарем и Помпеем¹:

L(ucio) Lentulo C(aio) Marcello co(n)s(ulibus)
Q(uinto) Cassio C(ai) f(ilio) Longino tr(ibun) pl(ebis) pro pr(aetore)
B(ina) Vercellonis f(ilius) X vir mass(umus)
M(arcus) Coranus Acrini f(ilius) Alp(iss)is
aedilis portam faciund(am)
coer(averunt) [d]e sua pecun(ia).
«В консульство Луция Лентула и Гая Марцелла,
при Квинте Кассии, сыне Гая, Лонгине, плебейском трибуне, пропреторе,

¹ Lacort Navarro P.J., Portillo R., Stylow A.U. Nuevas inscripciones latinas de Córdoba y su provincia // Faventia. 1986. T. 8/1. P. 69–78.

Бинснес, сын Верцеллона, высший децемвир,
Марк Коран, сын Акрина Альпис,
эдил, озаботились сооружением
ворот за свой счет».

Исследование показало, что хотя надпись была найдена в Кордубе, она к этому городу не относится, и Бинснес, сын Верцеллона, и Марк Коран Альпис были магистратами другого города Дальней Испании, будущей Бетики. Надпись датирована 49 г. (здесь и далее все даты до н.э. – Ю.Ц.), когда консулами были Л. Корнелий Лентул и Г. Клавдий Марцелл. Вполне возможна и более точная датировка. Наместником Дальней Испании был уже не Помпей, управлявший этой частью Испании через своего легата М. Теренция Варрона, а Кв. Кассий, посланный Цезарем вместе с двумя легионами на юг Испании вскоре после битвы при Илерде (Caes. BC. II. 19. 1), т.е. в начале августа 49 г. Но после этого Варрон еще некоторое время распоряжался в провинции, и лишь после его капитуляции и схода в Кордубе, на которой Цезарь благодарил собравшихся римских граждан, провинциалов и гадитан, победитель поставил Кассия во главе провинции (Caes. BC. II. 21; Dio Cass. XLI. 24. 2). Разумеется, все это должно было занять определенное время. С другой стороны, 10 декабря у Кассия уже истекали полномочия народного трибуна, так что надпись должна была относиться к концу августа (скорее к сентябрю) – началу декабря 49 г. Многие стороны этой надписи внимательно исследованы ее публикаторами, и мы остановимся только на том, что эта надпись дает для лучшего понимания ситуации, сложившейся в условиях начавшейся гражданской войны, и фигуры самого Кассия.

В письме к Аттику (V. 21. 2) Цицерон называет Квинта братом (*frater*) Гая Кассия Лонгина, будущего цезареубийцы; считается, что он был его двоюродным братом². Однако в надписи Квинт Кассий назван сыном Гая. Также сыном Гая, вероятно, был и цезареубийца³. Цицерон включает Квинта Кассия в число близких (*tui*) Гаю, чьи неприятности тот должен вынести, а, намекая на назначение Квинта квестором, пишет, что таким образом Помпей привлек к себе всех Кассиев (Ad fam. XV. 14. 4; II. 15. 4). Все же более вероятно, что Квинт Кассий был родным братом Гая.

Карьера Квинта Кассия началась с того, что в 57 г. он был монетарием⁴, а через пять лет Помпей назначил его своим квестором в Дальней Испании, причем вопреки обычаю – без всякого жребия, подобно тому как это сделал Цезарь в отношении Антония (Cic. Ad Att. VI. 6. 4). Антоний к тому времени уже прославился как умелый военный командир и во время египетской экспедиции Габиния, и в качестве легата Цезаря в Галлии, так что выбор Цезаря был вполне понятен. Почему Помпей остановил свой выбор на Кассии, с первого взгляда понять трудно: на военном поприще тот себя не проявил, да и на политическом был далеко не самой известной фигурой. Но, видимо, в этих качествах своего квестора нужды у Помпея не было. После разгрома Сертория и похода Цезаря против лузитан активных военных действий в Испании не отмечено. А в случае возникновения чрезвычайных ситуаций военных качеств помпеевских легатов Афрания и Петрея и в меньшей степени Варрона было вполне достаточно.

Скорее всего, прав был Цицерон, говоря, что таким жестом Помпей привлек к своему делу род Кассиев, которые выдвинулись в первые ряды римской политической элиты в последний период истории республики. Так, Гай Кассий Лон-

² Müller F. Cassius (70) // RE. Hlbd 6. 1899. Sp. 1740.

³ Gundel H.G. Cassius (15) // Kleine Pauly. München, 1979. Bd 1. Sp. 1070.

⁴ Ibid. Sp. 1073. Cassius (21).

гин, отец, вероятнее всего, Гая, Квинта и еще одного сына, Луция, был претором, консулом, проконсулом Цизальпинской Галлии и в этом качестве разбит Спартаксом при Мутине в 72 г., что не помешало ему оставаться активным деятелем и впоследствии выступать, в частности, на процессе Верреса, а также поддерживать предложение Манилия о командовании Помпея. Луций также участвовал в процессах, в том числе обвиняя М. Сауфея, одного из активных приверженцев Милона, а затем исполнял должность монетария. Позже в отличие от своего брата он выступал на стороне Цезаря⁵. Гай, прежде чем стать знаменитым последним республиканцем, был квестором Красса. После катастрофы у Карр он не только спас остатки римских войск, но и успешно защитил Сирию от парфян⁶. В условиях обострения политической борьбы в республике и возможного столкновения с Цезарем привлечение на свою сторону столь влиятельного рода было для Помпея довольно важным.

После возвращения Кассия из Испании у него возникли неприятности в Риме. В середине октября 51 г. Цицерон в письме к Гаю Кассию пишет об этих неприятностях (*Ad fam.* XV. 14. 4), торопя славного защитника Сирии, чтобы тот вернулся в Город. А в декабре того же года в письме к Аттику (*V.* 20. 8) удивляется столь жесткому (*vehementer*) отношению к Квинту Луккея. Речь, видимо, идет о привлечении Квинта Кассия к суду за злоупотребления в провинции. Автор «Александрийской войны» (48. 1) говорит о взаимной ненависти Кассия и Дальней Испании и о ранении там квестора в результате покушения, причем автор не только не винит провинциалов в покушении на римского магистрата, но скорее относится к ним с сочувствием. Однако какова была конкретная причина такой ненависти и спровоцированного ею покушения, неизвестно. Можно только предположить, что это было вызвано чрезмерной жадностью квестора. Но последующие события заставляют сомневаться в этом.

Забегая вперед, надо сказать, что в 49 г. Цезарь назначил Квинта Кассия пропретором Дальней Испании, и, по словам Диона Кассия (*XLI.* 24. 2), это было сделано именно из-за известности того в провинции. Сам Цезарь, объясняя свой отказ от немедленного преследования Помпея, переправившегося на Балканский полуостров, писал (*BC.* I. 29. 3), что он боялся, как бы бывшее расположение обеих Испаний к Помпею не дало бы тому новые вспомогательные войска и конницу; собственно говоря, он боялся удара в тыл из Испании, причем помпеянским легионам в таком случае оказали бы поддержку провинциалы. И хотя Цезарь отмечал, что особенно Помпею была обязана одна провинция (явно Ближняя Испания), упоминание обеих испанских провинций говорит об озабоченности Цезаря поведением и Дальней Испании тоже. После победы при Илерде он направил в Дальнюю Испанию именно Квинта с двумя легионами (*ibid.* II. 19. 1), причем тогда еще ничего не было известно о позиции Варрона, также располагавшего двумя легионами и еще тридцатью вспомогательными когортами (*ibid.* II. 18. 1). Несомненно, Цезарь рассчитывал на поддержку провинциалов; недаром он при своем выступлении в провинцию обратился к ним с особым эдиктом (*ibid.* II. 19). И в этих условиях посылать в провинцию ненавистного человека, а тем более ставить затем его своим наместником было бы проявлением полной политической близорукости, чем Цезарь явно не страдал. Заметим, что Цезарь не мог обманываться относительно чисто военных качеств Кассия. Еще в Италии он по-

⁵ Это показывает, что к идее, будто политическую борьбу в Риме в последние десятилетия республики определяли взаимоотношения семейных кланов, надо относиться с осторожностью.

⁶ *Frölich. Cassius* (58), (59) // *RE. Hlbd* 6. 1899. Sp. 1727–1728; *Münzer F. Cassius* (65) // *ibid.* Sp. 1739.

ставил Кассия во главе отдельного отряда, который захватил было Анкону, но затем был выбит оттуда (Cic. Ad Att. VII. 18. 2), что было одной из немногих неудач цезарианцев в этой кампании. Так что не военные способности, а именно положение Кассия в провинции привлекли в данном случае Цезаря. После капитуляции Варрона Цезарь созвал сходку, на которой благодарил римских граждан, находившихся в Кордубе, провинциалов и гадитан за их поведение во время испанской кампании. И он ни словом не обмолвился о покушении на Квинта. Это не значит, что покушения не было (у нас нет никаких данных для опровержения соответствующего утверждения автора «Александрийской войны»). Это значит, что в сложившейся ситуации Цезарь считал данный факт неважным, явно полагая, что для большинства провинциалов назначение Кассия ни в коем случае не станет раздражающим фактором.

Говоря о возможном привлечении Кассия к суду, необходимо иметь в виду политическую обстановку в Риме в 51–50 гг. Она к этому времени резко обострилась. Возникла коалиция помпеянцев и республиканцев, которые видели в Помпее меньшее зло по сравнению с Цезарем. Дело явно шло к разрыву между Цезарем и этой коалицией, фактически обладавшей властью в Риме, что грозило новой гражданской войной. В этих условиях, естественно, противники Цезаря были готовы воспользоваться любыми предложениями для преследования его сторонников. Инициатором преследования Кассия был Л. Лукцей – видный политический деятель, друг Цицерона, в прошлом городской претор и наместник Сардинии. В 60 г. он выступал сотоварищем Цезаря на консульских выборах, которые и финансировал, но в отличие от него потерпел поражение (Suet. Iul. 19. 1). После этого Лукцей не мог не быть противником олигархического большинства сената, но примкнул не к Цезарю, на которого мог затаить обиду за его победу и свое поражение, а к Помпею. Когда действительно началась гражданская война, Лукцей вошел в ближайшее окружение Помпея⁷. Видимо, вернувшись в Рим, Кассий ясно позиционировал себя как цезарианец. Возможно, уже тогда он заявил о своем намерении добиваться трибуната. Немногим позже, в 50 г., противники Цезаря сделали все возможное, чтобы провалить Антония на выборах авгура, и Цезарю пришлось использовать все свое влияние, чтобы Антония все же избрали ([Caes]. BG. VIII. 50). Кассий должен был вызвать еще большее раздражение помпеянцев: ведь совсем недавно он был квестором и фактически доверенным лицом Помпея, а теперь выступил на стороне его противника, и в этом они могли увидеть элементарную измену. Цицерон же, находясь вдалеке от Рима, видимо, еще не воспринимал Кассия как политического противника и поэтому удивлялся поступку Лукцея. Судебное преследование за вымогательства в провинции давно стало излюбленным и удобным предлогом для расправы с неудобным политическим деятелем, тем более что Кассий, видимо, давал для этого поводы. Кассий явно не отличался в лучшую сторону от большинства римских магистратов и промагистратов в провинциях, и покушение на него ясно об этом свидетельствует. Но приведенные выше данные, как кажется, говорят, что и в худшую сторону он тоже не отличался. Впрочем, до суда дело явно не дошло, и в августе 50 г. Цицерон, говоря о Кассии, уже ни о каком его преследовании не упоминает (Ad fam. II. 15. 4). А 10 декабря того же года Квинт Кассий, как и Марк Антоний, вступил в должность народного трибуна. Еще одним трибуном стал его брат Гай Кассий, который, однако, занял пропомпеянскую позицию.

⁷ Münzer F. Lucceius (6) // RE. Hlbd 26. 1927. Sp. 1554–1559; Gundel H.G. Lucceius (4) // Kleine Pauly. München, 1979. Bd 3. Sp. 749.

Как известно, бегство трибунов Антония и Кассия к Цезарю в январе 49 г. послужило для последнего поводом к началу гражданской войны. В этой войне Квинт Кассий сразу же принял активное участие, возглавляя, как говорилось выше, отдельный отряд войск Цезаря. Еще важнее была его политическая роль: после занятия Цезарем Рима Кассий и Антоний созвали заседание сената (точнее, того, что от него осталось), на котором Цезарь выступил с речью (Dio Cass. XLI. 15. 2). А уж затем Кассий с Цезарем и его войском отправился в Испанию.

Само отправление Кассия в Испанию было делом чрезвычайным и не вполне законным. Одной из основных обязанностей народного трибуна была помощь гражданину, а для этого он не только должен был круглые сутки держать открытым свой дом, но и не удаляться из Рима больше чем на один день⁸. Правда, это был не первый случай, когда трибун покидал не только Рим, но и Италию. Так в 122 г. поступил Гай Гракх, отправляясь в Африку для основания колонии Юнии на месте разрушенного Карфагена. Официально автором закона о выведении этой колонии был друг Гая Рубрий, а Гаю лишь выпал жребий руководить ее основанием (Plut. G. Grac. 10). Но и тогда, если верить Плутарху, стремление Гая взять на себя основание колонии, как и вообще многих других дел, не относившихся непосредственно к исполнению обязанностей трибуна, вызывало недовольство. Да и вообще деятельность этого трибуна была вызывающе революционной, порывающей с римскими традициями⁹. Цезарь тоже не очень-то считался с этими традициями, если полагал такое поведение полезным и необходимым. Коллегу Квинта Антония он, отправляясь в Испанию, назначил своим наместником в Италии и командиром стоявших там войск (App. BC. II. 41), но тот хотя бы оставался на италийской земле. Кассия же он взял с собой в Испанию, и это ясно говорит, что он на него рассчитывал в деле привлечения местного населения, что, отметим еще раз, было бы бессмысленно и чрезмерно рискованно в случае резкого неприятия последним Квинта¹⁰.

Как видно из надписи и из сообщения автора «Александрийской войны» (28. 1), Цезарь дал Квинту Кассию ранг пропретора. До этого должность претора Кас-

⁸ Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. М., 1989. С. 315–316; Schiller H. Römische Altertümer. Nördlingen, 1887. S. 556; Lengle. Tribunus // RE. Hlbd 12A. 1937. Sp. 2460; Volkmann H. Tribunus // Kleine Pauly. München, 1979. Bd 5. Sp. 948–949; Деметьева В.В. Государственно-правовое устройство античного Рима. Ярославль, 2004. С. 155.

⁹ Литература по этому вопросу огромная, укажем лишь некоторые работы наших соотечественников: Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 132; Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Л., 1985. С. 44–45.

¹⁰ В высшей степени рискованным и необоснованным предприятием иногда кажется египетская кампания Цезаря (Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М., 1984. С. 238–240). Однако думается, что в ней присутствовал несомненный политический расчет. В условиях острых разногласий в правящей верхушке Египта вмешательство Цезаря могло способствовать победе одной из сторон, и в этом случае римское влияние в этой стране еще более бы усилилось. Выступление Цезаря на стороне именно Клеопатры, а не ее брата, было вызвано женскими чарами египетской царицы и любовью стареющего римского полководца. То, что Цезарь ввязался в египетские дела со сравнительно небольшими силами, объяснялось, с одной стороны, недостатком в условиях цейтнота информации, а с другой, безусловной верой Цезаря в свою фортуна. Положение в Испании было совершенно другим, и говорить о необдуманности цезаревского решения едва ли возможно, ибо значение испанского тыла в момент выступления против главных сил помпейцев и республиканцев было слишком велико.

сий не занимал. Подобная практика стала входить в политическую жизнь республики на последнем этапе ее существования. В свое время против Сертория в Испанию в ранге проконсула был послан Помпей, ранее консулом не бывший (Liv. per. XCI; Val. Max. VIII. 15. 8), причем Марций Филипп саркастически заметил, что Помпей направляется не *pro consule*, а *pro consulibus* (Cic. De imp. Pomp. 62)¹¹. И Цезарь следовал этой практике. Так, на следующий год наместником Ближней Испании в ранге проконсула был назначен Лепид, должность консула не занимавший (V. Alex. 59. 2; App. BC. II. 48; Dio Cass. XLIII. 1. 1). Назначение Кассия пропретором Дальней Испании вписывается в серию назначений, сделанных Цезарем в 49 г., но стоит несколько особняком. Первые назначения были сделаны Цезарем сразу после занятия Рима. Тогда он поставил своих сторонников во главе самого Рима и Италии, Сицилии, Сардинии и Цизальпинской Галлии (App. BC. II. 41), т.е. обеспечивал безопасность столицы и ее непосредственного окружения. Вторая группа назначений относится уже ко времени, когда Цезарь вернулся из Испании и стремился обеспечить правильное функционирование провинциальной власти в той части Римской республики, которая находилась под его контролем (App. BC. II. 48). Назначение же Квинта не входило ни в одну из этих двух групп: Цезарь поставил его на должность пропретора непосредственно в Испании после победы над помпеянами (Caes. BC. II. 21; App. BC. II. 43; Dio Cass. XLI. 24. 2)¹².

Итак, какое-то время до 10 декабря 49 г. Квинт Кассий исполнял одновременно две должности – народного трибуна и пропретора Дальней Испании. В этом сообщении привлекают внимание два аспекта. Во-первых – то, что Кассий совмещал две должности. Само по себе такое соединение не было абсолютной новостью. Известно, что оба брата Гракхи занимали несколько должностей. И Ливий Друз позже был одновременно и трибуном, и членом аграрной комиссии. И все же такая практика была свойственна кризисному времени и не очень приветствовалась римским народом. Выше уже приводились сведения Плутарха о недовольстве, вызванном тем, что Гай Гракх взял на себя чрезмерно много дел. К тому же и Гракхи, и Друз оставались в Риме (кроме сравнительно кратковременного пребывания Гая в Африке) и поэтому вполне могли исполнять свои трибунские обязанности. Назначение же Кассия пропретором Дальней Испании автоматически удаляло того из Рима, так что никаких обязанностей трибуна он нести не мог. И это было революционным шагом со стороны Цезаря. В тот момент Кассий ему был нужнее в Испании, чем в Риме. Его несомненной задачей было не только принять власть в провинции от Варрона, но и обеспечить там спокойствие и верность Цезарю.

Во-вторых – то, что Квинту Кассию был дан ранг пропретора. В эпоху республики не существовало четкого разделения провинций на проконсульские и пропреторские, а в случае необходимости в провинции отправлялись и действующие консулы либо преторы. И все же были провинции, наместниками кото-

¹¹ *Twyman B. The Metelli, Pompeius and Prosopography // ANRW. Bd I. 1. 1972. P. 849.*

¹² Аппиан сообщает, что Цезарь назначил Квинта управлять Испанией вообще. Из этого, однако, не следует заключать, что Кассий стал наместником обеих испанских провинций. Аппиан в рассказе о назначениях не вдается в детали. Так, говоря немного ниже о назначении Лепида, он также отмечает, что тот был послан в Испанию вообще, хотя известно, что Лепид управлял только Ближней Испанией. И Цезарь, и Дион Кассий связывают назначение Квинта с деятельностью Цезаря в Дальней Испании. Из текста «Александрийской войны» также видно, что Кассий управлял именно Дальней Испанией.

рых чаще были либо те, либо другие. В Дальнюю Испанию довольно часто направлялись преторы, а порой и консулы, но обычно это происходило во времена открытых военных действий. Но и в такие периоды провинцию часто возглавляли промагистраты. В более же спокойное время направление промагистрата становилось обычной практикой. За период с 206 по 50 г. Дальней Испанией управляли 24 проконсула и 8 пропреторов (одним из них был в 61 г. Цезарь)¹³. Так что эта провинция была скорее проконсульской, чем пропреторской. Цезарь все-таки предпочел сделать Кассия пропретором. Через некоторое время, назначая провинциальных наместников на следующий 47 год, Цезарь дал ранг проконсула Ближней Испании Лепиду, который до этого консулом не был, как не был претором Кассий. Однако в положении Лепида и Кассия была существенная разница. До своего назначения в Испанию Лепид в 52 г. исполнял обязанности междуцаря, а в 49 г. был претором, в то время как Квинт Кассий исполнял до этого лишь должность квестора, да и то вопреки обычаю избранного без жребия (да и вообще без какого-либо правильного избрания). Видимо, даже Цезарь при всем пренебрежении принятыми нормами¹⁴ не решался на то, чтобы при назначениях на должности его сторонники перепрыгивали через несколько ступенек *cursus honorum*. В случае Лепида Цезарь поднимал своего назначенца на одну ступеньку, делая бывшего претора проконсулом, а в случае Кассия бывшего квестора – пропретором.

В надписи сообщается о постройке в городке, где магистратами были Бинснес и Коран, новых ворот, и по весьма обоснованному мнению публикаторов, это действие вписывается в меры по укреплению городов в то время¹⁵, что явно свидетельствует о нестабильности в провинции. В не меньшей степени о том же говорит и количество войск, находившихся под командованием Кассия. Сразу после победы при Илерде Цезарь направил с Кассием на юг Испании два легиона, а после урегулирования положения в этом регионе оставил ему уже четыре (*Caes. BC. II. 19. 1; 21. 3*), из которых два ранее находились под командованием Варрона, а два были незадолго до того набраны в Италии (*B. Alex. 53. 5*). Сам Кассий несколько позже набрал еще один легион (*ibid. 50. 3*). Кроме того, в распоряжении пропретора было 3 тысячи конников (*ibid.*), отряд личных телохранителей из племени беронов и так называемые *evocati*, т.е. ветераны, добровольно оставшиеся в армии (*ibid. 53. 1*). Количество их автор не уточняет, но говорит, что они были многочисленны (*complures*). У самого Цезаря в битве при Фарсале их имелось ок. 2 тысяч (*Caes. BC. III. 88. 4*). Так что под командованием Кассия находилось не менее 30 тысяч воинов. Для сравнения можно сказать, что Афраний и Петрей, вступая в войну с Цезарем, имели вместе пять легионов, не считая, правда, вспомогательных отрядов, а Цезарь начал испанскую кампанию с шестью легионами, также без учета вспомогательных частей (*Caes. BC. I. 39. 1–2*). Сохранение такого количества войск уже после окончания кампании контрастирует с той благостной картиной, какую рисовал сам Цезарь: якобы вся провинция выступила на его стороне, провинциалы сами сокрушили противников, в результате чего на провинцию посыпались различные награды (*ibid. II. 21*). И через два с половиной века Дион Кассий (*XLI. 23. 7*) повторяет, хотя и вкратце, то же

¹³ *Castillo Garcia C. Prosopographia Baetica. Pamplona, 1965. P. 203–213.*

¹⁴ Алпиан (*BC. II. 48*), рассказывая о назначениях Цезаря, прямо говорит, что тот назначал наместников по своему произволу.

¹⁵ *Lacort Navarro, Portillo, Stylow. Op. cit. P. 72–73.*

самое: Цезарь все города и всех воинов склонил на свою сторону. Однако факты говорят об обратном.

Вскоре после вступления в должность Кассий начал войну с лузитанами. Он захватил город Медобригу, а затем Герминейские горы, куда бежали жители Медобриги, за что был провозглашен императором (В. Alex. 48. 2). По существу, это было повторением похода Цезаря в 61 г. Медобрига была центром сопротивления лузитан; к тому же, она была расположена у подножья Герминейских гор и являлась центром значительного рудного района¹⁶. Автор «Александрийской войны» намекает, что поход Кассия был вызван его желанием иметь деньги для раздачи солдатам ради приобретения популярности в армии. Конечно, такая поддержка наместнику была необходима, но надо обратить внимание еще на один момент. После получения добычи в результате этого похода Кассий не только раздал деньги солдатам, но и большие суммы распределил между отдельными лицами (*multa... et magna praemia singulis concedebat* – *ibid.* 48. 3). Кто были эти *singuli*, автор не уточняет. Это явно не солдаты, ибо речь идет о суммах, заплаченных помимо (*praeterea*) выплаты воинам. Это могли быть лица из ближайшего окружения пропретора, но учитывая общую недоброжелательность автора по отношению к Квинту Кассию, думается, что он не преминул бы это отметить. Вполне возможно, что это были деньги, выплаченные каким-то лицам из гражданского населения провинции. Доказательств этому нет, но такое поведение вполне вписывалось бы в общую практику того времени. В любом случае можно себе представить, что и поход, и последующие выплаты, и укрепления городов, о чем отчасти свидетельствует надпись, являлись средствами стабилизации положения, которое явно было не столь благоприятным для Цезаря, как это хотелось бы ему самому и как он стремился показать в своем сочинении.

Однако стабилизировать положение Кассий не смог. В скором времени на него было совершено новое покушение, а затем началось и открытое антицезаревское восстание. Автор «Александрийской войны» однозначно называет виновником этого восстания самого Кассия, чья жадность и жесткость вызвали возмущение и населения, и части стоявших в провинции легионов. Эту точку зрения разделяют и современные ученые¹⁷. Факты, однако, свидетельствуют, что такая оценка довольно поверхностна. Но прежде чем говорить о них, зададимся вопросом: почему несомненный цезарианец, каким был автор этого произведения, столь резко обличал цезаревского назначенца?

«Александрийская война» не просто продолжает «Гражданскую войну» Цезаря, а практически без зазоров примыкает к ней. Свое произведение Цезарь заканчивает казнью Потина (III. 112), т.е. событием, происшедшим уже после начала военных действий в Александрии. В «Александрийской войне» начало этих действий опускается, и сразу же сообщается, что, когда война вспыхнула, Цезарь призвал себе на помощь флот с Родоса, из Сирии и Киликии (I. 1). Перед нами вольное или невольное стремление автора представить свое сочинение не только как продолжение цезаревского, но и как некое единство с ним. А между тем в «Гражданской войне» Цезарь рассказывал, как Дальняя Испания единодушно поддержала его, что и вынудило Варрона сдаться без боя, и сам по-

¹⁶ *Montenegro A.* La conquista de Hispania por Roma // *Historia de España.* Madrid, 1982. Т. II. 1. P. 152–153.

¹⁷ Из последних работ назовем: *Woytek B.* Arma et Nummi. Wien, 2003. S. 190. Эту же позицию, не называя прямо Кассия, разделяет и И.Г. Гурин (Серторианская война. Самара, 2001. С. 31).

бедитель благодарил римских граждан, живших в провинции, провинциалов и гадитан за их поведение, возвращал им награбленное Варроном и награждал местных жителей. И объяснить резкое изменение позиции жителей провинции легче всего было поведением наместника, обманувшего надежды своего вождя.

Думается, однако, что это было не единственным резонансом столь сурового осуждения Кассия автором «Александрийской войны». Независимо от того, был ли этим автором А. Гирций или кто-либо другой¹⁸, он, несомненно, входил в высший круг цезарианцев. Об этом свидетельствует и широкий охват событий, не ограниченный лишь военными действиями в Египте, как это было соответственно в «Африканской войне» и «Испанской», но включавший всю политическую историю того периода, и использование разнообразных источников, в том числе донесений самого Цезаря и архивных документов¹⁹, а при описании финансовых мероприятий Квинта Кассия и его агентов даже каких-то бухгалтерских документов²⁰. Как известно, после гибели Цезаря и появления Октавиана цезаревский лагерь раскололся на сторонников «молодого Цезаря» и приверженцев Антония. Автор «Александрийской войны» явно был противником Антония. Так, он не называет Антония по имени, но отмечает плохое управление Римом во время отсутствия Цезаря (65. 1), а всем было известно, что отправленный в Рим после победы при Фарсале Антоний управлял им в качестве начальника конницы, пока сам Цезарь находился на Востоке. А имя Кассия на начальном этапе гражданской войны было тесно связано с именем Антония. Оба они были народными трибунами, оба активно и бескомпромиссно выступали на стороне Цезаря, оба бежали к Цезарю накануне войны, оба, вернувшись в Рим, созвали сенат для оправдания действий Цезаря. Поэтому вполне вероятно, что, резко осуждая Кассия, автор в какой-то степени метил и в Антония: оба они вредили делу Цезаря.

Это не означает, что Кассий не давал повода для враждебной реакции жителей провинции. Положение последних было довольно трудным. В 49 г. Варрон, готовясь к войне с Цезарем, собрал в провинции 18 миллионов сестерциев, 20 тысяч фунтов серебра и 120 тысяч модиев пшеницы. Это вызвало недовольство, и при известии о победе Цезаря при Илерде большинство жителей Южной Испании (но не все) выступили против Варрона, что в основном и привело к его капитуляции (Caes. BC. II. 17–21). Цезарь отменил наиболее одиозные меры Варрона, хотя деньги в провинции собирал тоже (Dio Cass. XLI. 24. 1). Дальнейший же ход событий вообще заставил его наместника, в свою очередь, обратиться к весьма непопулярным финансовым мероприятиям. Как и Варрон, Кассий стал пополнять свои войска, набрав новый легион, что привело к увеличению расходов и недовольству в провинции (B. Alex. 50. 3). А последовавший вскоре приказ Цезаря переправиться с армией в Африку (ibid. 51. 1–2) привел к новым поборам, что не могло не вызвать недовольства. Выше приводились данные о распределении Кассием денег среди воинов и каких-то отдельных гражданских лиц. И это тоже требовало расходов, какие, может быть, возместить только лузитанской добычей оказалось невозможным. Отсюда и новое тяжелое обложение провинции (ibid. 49. 1). Автор называет его причиной личные долги Кассия. Рукописный текст в данном случае несколько испорчен, и перед упоминанием долгов стоит окончание -ea. Издатели дополняют его по-разному.

¹⁸ Andrieu J. Introduction // *César. La Guerre d'Alexandrie*. P., 1983. P. XVI–XLIII.

¹⁹ Ibid. P. XV.

²⁰ Woytek. Op. cit. S. 190. Anm. 145.

Большинство принимает конъектуру *antea*, и в таком случае речь идет о старых долгах Кассия. Но имеется и другое дополнение – *interea*²¹, и это может означать долги, которые Кассий наделал уже во время своего пребывания в Дальней Испании в качестве пропретора. А эти долги, в свою очередь, могли быть связаны не только с жадностью самого наместника, но и с его попытками подкупить как солдат, так и какую-то часть жителей провинции, дабы обеспечить более твердую поддержку себе и своему вождю.

Слухи о присвоении Кассием по крайней мере части собранных денег еще больше подогревали возмущение в провинции. Эти слухи, по-видимому, имели некоторое основание. Кассий далеко не был идеальным правителем. Оставшись совершенно бесконтрольным, он проявил худшие стороны своей натуры, может быть, сдерживаемые ранее, когда он находился под контролем косвенно Помпея и непосредственно Петрея. О его жадности и жестокости через много лет писал Ливий (рег. ХСІ). Дион Кассий (XLII. 15. 1), не входя в подробности, тоже говорил об обидах, которые пропретор наносил провинциалам. Не отставали от него и его приближенные (В. Alex. 50. 2). И все же это не могло быть единственной и даже главной причиной восстания в Дальней Испании, ибо подобное поведение наместника едва ли было чем-то необычным.

Уже после битвы при Фарсале, когда помпеянцы и республиканцы собрались в Африке, Катон призывал старшего сына Помпея отправиться к отцовским клиентам, чтобы потребовать от них помощи (В. Afr. 22). Помпей младший после неудачного нападения на Мавретанию действительно высадился на Балеарских островах (*ibid.* 23). Там он укрепился, хотя и задержался из-за сопротивления города Эбеса, а затем высадился на материке, где был вынужден осаждать Новый Карфаген (Dio Cass. XLIII. 29. 2–3). И Балеары, и Новый Карфаген относились к Ближней Испании, но находились на ее периферии, а дальнейшие действия помпеянцев были целиком связаны с Дальней Испанией. В Бетике, которая тогда была частью Дальней Испании, встречаются Помпеи²², что может говорить о наличии и в данной провинции клиентов этой фамилии. Но все же основная масса клиентов Помпея была сосредоточена в Ближней Испании²³. Тем не менее ареной военных действий эта провинция, кроме упомянутой периферии, не стала. Видимо, в сложившихся обстоятельствах клиентские связи играли меньшую роль.

Цезарь, рассказывая о действиях Варрона, говорил, что тот колебался вместе с колебаниями фортуны. Видимо, такое колебание теперь обратилось против дела самого Цезаря. О деталях событий на Балканском полуострове здесь могли знать достаточно смутно, но о неудаче Цезаря под Диррахием явно было известно. Присоединение к помпеянам сил Юбы сделало помпеянскую угрозу весьма реальной. А Южная Испания издавна была связана с Африкой, и ей было не безразлично, что там происходит. Недовольство Кассием вылилось в заговор и неудачное покушение на него, а затем и в открытое восстание двух наиболее связанных с местным населением легионов, в том числе Туземного, и жителей провинции (В. Alex. 52–53; 57–63). Заговор был, по словам Диона Кассия (XLII. 15. 1), делом «немногих». Это намек на местную аристократию, относи-

²¹ Notes complémentaires // *César. La Guerre...* P. 85.

²² *Castillo Garcia. Op. cit.* P. 140–141.

²³ *Dyson S.L. The Distribution of Roman Republican Family Names in the Iberian Peninsula // Ancient Society. 1980/1981. Vol. 11/12. P. 289.*

тельно немногочисленную и весьма богатую²⁴, что вполне естественно, поскольку основная тяжесть поборов падала именно на нее (В. Alex. 49. 2).

Центром заговора и последующего восстания была Кордуба. Юридический статус Кордубы в 48 г. спорен²⁵, но в любом случае это был, пожалуй, самый романизованный город Дальней Испании. Значительная часть заговорщиков происходила из Италики (ibid. 52. 4), в свое время основанной еще Сципионом (App. Iber. 38)²⁶. Анализ известных имен заговорщиков показывает, что среди них были и абorigены, и потомки италийских колонистов, причем все они имели два или три имени, как Л. Лициний Сквилл или Кальпурний Сальвиан, что говорит, если и не о гражданстве, то о высокой степени романизации этих людей. И в дальнейшем во главе восстания, которое началось уже после отъезда Кассия, стояли всадники Тит Квинкий Скапула и Квинт Апоний (Dio Cass. XLIII. 29. 1). Центром антицезаревского выступления опять же была Кордуба. Таким образом, против Цезаря и его наместника выступили наиболее романизованные слои будущей Бетики²⁷.

Характерна также позиция войск. При известии о якобы состоявшемся убийстве Кассия в результате покушения на него, как уже говорилось, восстали солдаты Туземного и II легионов (В. Alex. 53. 4), в то время как XXX и XXI легионы остались верны пропретору (ibid. 57. 3). Автор «Александрийской войны» объясняет причину различного поведения легионов: воины первых двух были тесно связаны с провинциалами, а вторые были недавно набраны в Италии и переданы Цезарем Кассию. И здесь с ним надо полностью согласиться: солдаты, связанные с местным населением, активно это население и поддержали.

С другой стороны, это выступление активно поддержали лузитаны. Уже поход Кассия показал, что пропретор рассматривал лузитан как серьезную угрозу стабильности в провинции. Говоря об этом походе, автор «Александрийской войны» употребляет глагол *exrignasset*. *Exrigno* обычно обозначает насильственное действие, в основном захват, завоевание. В «Александрийской войне» этот глагол встречается еще трижды (22. 1; 30. 3; 41. 1), и везде он означает ожесточенные бои. Едва ли что-либо иное имеется в виду и в данном случае. Да и провозглашение Кассия императором (ibid. 48. 2) может свидетельствовать о том, что этот поход легкой прогулкой не был. На какое-то время Кассию, видимо, удалось нейтрализовать лузитан. В период пропреторства Кассия об их активности ничего не известно. Но позже, когда будущая Бетика стала ареной последней войны между Цезарем и помпеянами, лузитаны активно участвовали в боевых действиях на стороне помпеянцев, не отказавшись поддерживать их даже после Мунды.

Особо надо отметить поведение испано-финикийских городов. После вынужденного согласия на отказ от должности и отъезд из Испании Кассий прибыл в

²⁴ Cp. *Montenegro*. Op. cit. P. 160.

²⁵ *Galsterer H.* Untersuchungen zum römischen Städtewesen auf der Iberischen Halbinsel. В., 1971. S. 14; *Knapp R.C.* The Coinage of Cordoba // *Annali*. 1982. T. 29. P. 183–186, 202; *Rodríguez Neila J.F.* Historia de Córdoba. Córdoba, 1988. P. 214–216; *Canto A.M.* Algo más sobre Marcelo, Corduba y las colonias Romanas del año 45 a. C. // *Gerión*. 1997. Vol. 15. P. 255–280.

²⁶ *Rodríguez Neila*. Op. cit. P. 247–249.

²⁷ *Le Roux P.* Romains d'Espagne. P., 1995. P. 56. И в 46–45 гг. против Цезаря выступало большинство наиболее романизованных городов этого региона: *Tsirkin J.B.* The South of Spain in the Civil War in 46–45 B.C. // *Archivo Español de Arqueología*. 1981. Vol. 54. P. 91–100.

Малаку, откуда и направился в Италию (*ibid.* 64. 2). Следовательно, он мог справедливо рассматривать Малаку как верный ему город²⁸. В более поздних событиях бывшие финикийские и карфагенские колонии также оказались на стороне Цезаря²⁹. На стороне цезаревского наместника был и город Улия (*ibid.* 61. 2–3; 63. 1–3). Во время последней испанской кампании он тоже твердо занимал процезаревскую позицию. Между тем он, как и Кордуба, был расположен в наиболее романизованной зоне Испании, да и находился недалеко от Кордубы.

Можно говорить, что наряду с «большой» гражданской войной в Дальней Испании проходила своя «малая», но от этого не менее ожесточенная война. И на позицию населения оказывали влияние самые разные факторы. Конечно, определенную роль играли клиентские связи, но, как уже упоминалось, преувеличивать, а тем более абсолютизировать их воздействие на политическое поведение провинции и ее отдельных общин и племен нельзя. Ясно, что большинство римских граждан и наиболее романизованных провинциалов выступили против Цезаря и его наместника. Однако и эта констатация, как показывает пример Улии, не является абсолютной. Соседние города вообще часто выступали соперниками, что особенно ярко проявлялось именно в период гражданских войн. В качестве примера можно указать на вражду ПUTEОЛ и КАПУИ, определившую их противоположные позиции во время войны между Веспасианом и Вителлием (*Tac. Hist.* III. 57). Да и внутри самих городов могли существовать группировки с различными взглядами. Даже в Кордубе имелись сторонники Цезаря (*V. Alex.* 58. 4), а Дион Кассий, как говорилось выше, отмечал, что заговор против Кассия организовали «немногие».

Поведение лузитан было, скорее всего, более единодушным. На него могло повлиять воспоминание о сравнительно недавнем походе Цезаря, повторенном Кассием. Известно, что Цезарь уехал в Дальнюю Испанию неоплатным должником, а вернулся богачом, обогатив также своих приближенных и солдат (*Plut. Caes.* 12)³⁰. Те грабежи явно еще были памяты лузитанам, тем более что и Кассий повторил их. Возможно, выступая против Цезаря, лузитаны еще раз восставали против того, кто в тот момент правил в Риме. Так возникла довольно своеобразная коалиция наиболее романизованной и наименее романизованной частей населения Дальней Испании. В позиции, занятой испано-финикийскими городами, можно видеть отзвук старинных противоречий между финикийскими колонистами и местным населением Южной Испании.

Восстание сначала возглавил Т. Торий из Италики (*V. Alex.* 57. 3; 58. 1). Он заявил, что намерен вернуть провинцию Помпею, солдаты написали на щитах имя Помпея, и конвент кордубцев, который еще недавно столь горячо благодарил Цезаря за помощь, примкнул к восставшим. Кассий направил в Кордубу М. Клавдия Марцелла Эзернина, но тот не только перешел на сторону восставших, но и возглавил их. Правда, при этом он сумел уговорить солдат, чтобы они сняли со щитов имя Помпея, дабы показать, что они воюют не с Цезарем, а только с Кассием, будучи недовольными его произволом (*ibid.* 54–59). Дион Кассий (XLI. 15. 2–5; 16. 1) в своем более кратком повествовании рассказывает об этих событиях несколько иначе. По его словам, против Кассия выступили кордубцы и бывшие помпеянские солдаты, присоединившиеся к Марцеллу. Создается впечатление (которое, впрочем, может объясняться краткостью рассказа), что Марцелл выступил против Кассия еще до общего восстания. Но главное

²⁸ López Castro J.L. *Hispania Poena*. Barcelona, 1995. P. 241.

²⁹ *Ibid.* P. 241–242.

³⁰ Утченко. Юлий Цезарь. С. 84.

различие в другом: восставшие сразу же заняли пропомпеянские позиции, а Марцелл пытался не скомпрометировать себя ни перед Цезарем, ни перед Помпеем и поэтому стремился не допустить откровенно пропомпеянского поведения воинов, но в то же время не тронул имя Помпея, написанное на щитах. По словам автора «Александрийской войны», общее восстание началось уже после победы Цезаря при Фарсале, но поведение Марцелла показывает, что в Испании еще ничего не знали об этой победе. Во всяком случае, общее пропомпеянское настроение провинции и находившихся там войск в рассказе Диона Кассия выступает более отчетливо.

Поведение Марцелла, по-видимому, отражает позицию части цезарианцев, находившихся в Дальней Испании. Можно говорить, что там сложилось уникальное для того времени положение: помпеянцы и часть цезарианцев объединились против цезаревского наместника и поддерживающих его войск. После убийства Цезаря такое объединение уже никого не удивит, и сам Гирций, один из возможных авторов «Александрийской войны», окажется союзником республиканцев и помпеянцев в борьбе с цезарианцем Антонием. Но в 48–47 гг. это было новостью. Сам Марцелл, по-видимому, преследовал свои личные цели, но достичь их мог только при поддержке как стоявшей в провинции армии, так и самих провинциалов. Отсюда и его странная позиция: он и возглавляет антицезарианское выступление, и стремится показать свою лояльность по отношению к Цезарю. Да и дальнейшее поведение Марцелла было весьма нерешительным, хотя перевес сил был на его стороне. Если верить Диону Кассию (XLII. 16. 1), именно из-за стремления в любом случае оказаться на стороне победителя он не выступил решительно на борьбу с Кассием. Согласно «Александрийской войне», Марцелл действовал более активно, но и из ее текста следует, что решительного сражения он всячески избегал.

Положение, однако, было таково, что одними своими силами справиться с восстанием Кассий не мог, и он призвал себе на помощь мавретанского царя Бугуда (В. Alex. 62. 1). Военные действия сконцентрировались вокруг Улии. При всей вялости военных действий перевес был все же на стороне Марцелла, который фактически осадил Улию и находившиеся там войска Кассия. Раскол в цезарианском лагере и объединение части цезарианцев с помпеянами, а тем более успехи неожиданно возникшей коалиции создавали серьезную угрозу делу Цезаря. Хотя Помпей был уже разгромлен при Фарсале и погиб, противники Цезаря собирались в Африке в непосредственной близости от Испании, в то время как сам Цезарь застрял в Александрии. Возникла реальная угроза объединения на западе Средиземноморья всех антицезаревских сил, включая мятежную Испанию. Необходимо было, с одной стороны, предпринимать решительные меры, а с другой, предотвратить превращение Дальней Испании в еще один театр военных действий. Решение этой сложной задачи было поручено проконсулу Ближней Испании Лепиду.

Лепид прибыл под Улию с большим войском из тридцати пяти когорт, конницей и вспомогательными частями. Оказавшись там, он фактически встал на сторону Марцелла. Вероятно, Лепид понял, что большая часть провинциалов поддерживает Марцелла и поддержка Кассия означала бы начало ожесточенной войны, что в планы Цезаря и цезарианцев явно не входило. Кассий еще пытался натравить Лепида на Марцелла, обвиняя (и, надо признать, справедливо) того в мятеже, но явно неудачно. Поддержать относительно добрые отношения с населением провинции Лепид считал более важным. В конце концов, был достигнут компромисс, военные действия прекращены, Лепид и Марцелл вместе отправи-

лись в Кордубу, а Кассий, сохранив все свои богатства, в том числе и награбленные в провинции, получил свободный путь для отступления (В. Alex. 61–64).

Однако пока Кассий находился в Испании, положение там оставалось далеко не стабильным. В его распоряжении еще имелись легионы и конница (В. Alex. 64. 2), и он явно не собирался разоружаться. Не намеревался этого делать и Марцелл, с которым фактически соединил свои силы Лепид. В Африке Катон настойчиво советовал Гнею Помпею младшему пойти по стопам отца и использовать его клиентелу для восстановления республики (В. Afr. 22). В этих условиях стабилизировать положение в Дальней Испании и не допустить ее присоединения к помпеянам можно было только удалением Кассия. И Цезарь направил ему на смену Г. Требония. Цицерон (*Ad fam.* XV. 21. 2) пишет, что тот был послан в Испанию внезапно. Видимо, Цезаря вынудила это сделать острая необходимость. Кассий еще не хотел признавать свое поражение и даже пытался оказать сопротивление Требонию (В. Alex. 64. 2). Но соотношение сил было таково, что сделать это он мог только при поддержке Богуда, а тот ему в этой поддержке отказал (*Liv. fr.* 39). Кассий был вынужден смириться. Он отправился в Малаку, а оттуда несмотря на зимнее время отплыл в Италию, но в устье Ибера был застигнут бурей и погиб (В. Alex. 64. 2–3; *Dio Cass.* XLII. 16. 2). Только после этого положение в Дальней Испании более или менее стабилизировалось (*Dio Cass.* XLIII. 29. 1), хотя и не надолго.

Рассматривая все эти события, можно заметить, что решающее значение имела позиция местного населения. Только позже, когда в Южную Испанию явился сам Цезарь со своей армией и столкнулся там с войском младшего Помпея, эта позиция уже стала играть меньшую роль по сравнению с действиями регулярных войск с обеих сторон.

Итак, можно говорить, что самые разные резоны – клиентские связи, политические пристрастия, старые традиции, личные интересы, соперничество общин, стремление примкнуть к победителю и вовремя отречься от возможного побежденного, различные тяготы, налагаемые в условиях войны наместником, и его собственная жадность – сплелись в тугой клубок, определявший позицию той или иной части населения провинции и ход событий в идущей гражданской войне. И выделять какую-либо одну причину, считая ее главной, по-видимому, едва ли возможно и продуктивно. В любом случае надо подчеркнуть, что роль Испании в событиях гражданской войны между Цезарем и помпеянами была весьма велика.

Что же касается самого Квинта Кассия Лонгина, то он, разумеется, не был идеальным администратором. Дело не только в его жадности, которая, несомненно, в его деятельности присутствовала, но едва ли превосходила общий уровень римских наместников того времени. Главное – он оказался вообще деятелем, не стоявшим на высоте задач, какие поставил перед ним Цезарь. Цезарь явно ошибся, делая его пропретором Дальней Испании.

QUINTUS CASSIUS AND THE CIVIL WAR IN SPAIN

Yu. B. Tsirkin

Spain played an important part in uniting the Mediterranean regions within the frames of the Roman state. This became evident during the civil wars, which marked the transition from republic to empire. One of important episodes was the war which broke out in Hispania Ulterior (later *Betica*) after Caesar's departure and Quintus Cassius' appointment as a governor. A recently found inscription sheds more light upon the situation in the province as well as upon Cassius' figure. In spite of the widely spread opinion, the anti-Caesarian position of the greatest part of communities in this part of Hispania Ulterior had been predetermined not so much by Cassius' personal qualities, as by objective and subjective interests of the provincials.